

Боюсь снять плохое кино

Известия, 2003
19 июля - с. 110

Алексей GERMAN встречает свое 65-летие в саркастически ипохондрическом настроении. Общается с коллегами в основном по телефону, выходит из дому исключительно на студию, где уже несколько лет идут съемки его фильма «Трудно быть богом». В качестве преамбулы к разговору Герман предложил мне прочесть «Молитву человека пожилого возраста». Эта молитва всегда висела над столом Юрия Германа, а теперь висит над столом Алексея Германа. С юбиляром беседовала Юлия КАНТОР.

— Этот текст висит у меня над рабочим столом и фактически теперь является моим напутствием самому себе. Ибо до этого пожилого возраста я и дошел.

— И так, о пожилом возрасте. Алексей Юрьевич, если бы вы решили писать мемуары, с какого эпизода детства вы бы начали книгу?

— Ну, мемуары я писать не стану, конечно, это не мое дело. Но вот шокирующий эпизод из детства пронзительно помню до сих пор. Я очень любил привирать. В какой-то момент отец сказал: «Леша, если еще раз соврешь, я повешу на дверях твоей комнаты табличку: «Здесь живет вран». Это было на даче, в Комарове. И я от ужаса завопил, у меня была истерика. Меня утешали всем поселком, и папа табличку выбросил. А страх соврать остался.

— Сын знаменитого писателя, кругом бегом — вы были ребенком явно не коммунальным, не дворовым...

— И да, и нет. Конечно, среда друзей моего отца отличалась от дворового окружения. Но вот с ребятами-полубандитами я довольно быстро сошелся. Я ухаживал за девочкой, у которой уже был мальчик. Так вот этот мальчик «держал» весь Невский проспект. Естественно, он запретил мне с ней встречаться. И мы дрались так, что после драки ме-

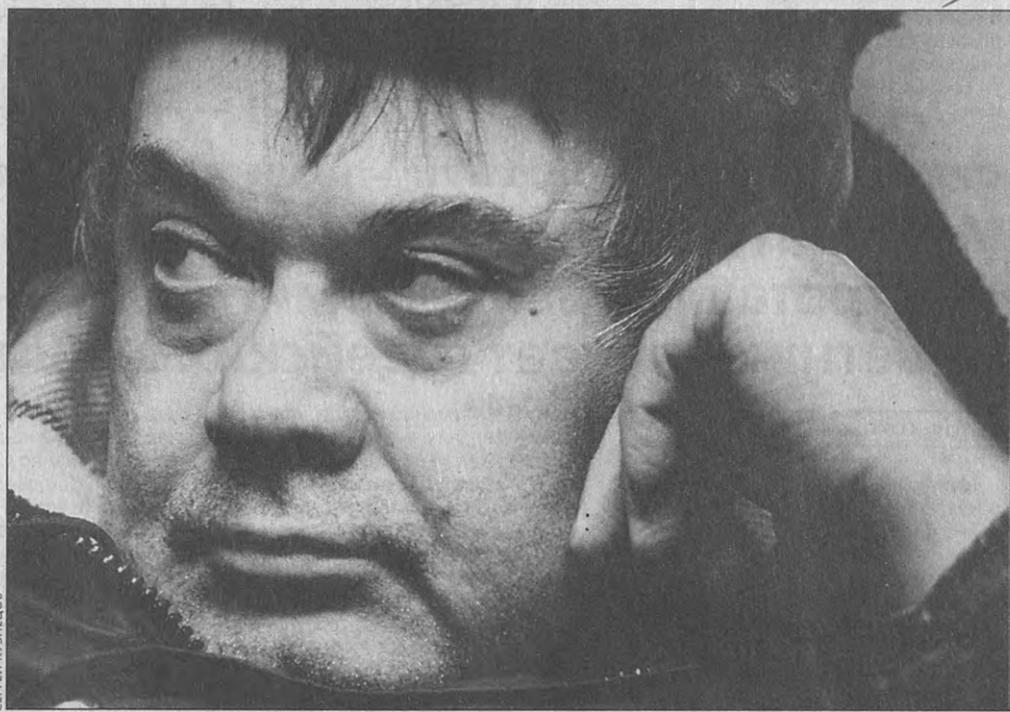
ня прислонили к двери моей квартиры, поскольку стоять я не мог. Но девочка ушла ко мне, с ней мы еще дружили года полтора. А потом я и с компанией ее бывшего ухажера подружились. И папа говорил, что у меня очень вежливые друзья и у них очень хорошие лица.

— В театральный институт вы пошли по настоянию родителей?

— Бесспорно, и очень этого не хотел. Я вообще-то собирался в медицинский. И, наверное, потому легко прошел три тура. Оставалось только собеседование, с которого я должен был уж точно вылететь. Мама кинулась к своей давней подруге Ольге Федоровне Берггольц. Они вдвоем побежали к Козинцеву, потом — к Вивьену. И когда я пришел на собеседование, вся комиссия встретила меня практически с объятиями: «Как, вы сын Юрия Германа?!» Вот так и прошел, как «папин сын». Но на первой сессии я получил «пятерку» по специальности, что было редкостью. И все встало на свои места.

— Вам фамилия мешала или помогала в большей степени?

— Не знаю, по-разному. Например, когда я пришел к Товстоногову в театр, он через некоторое время мне сказал: «Алексей, почему вы мне не сообщили, что вы сын Юрия Павловича Германа?». Я ответил:

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ

«Георгий Александрович, вы взяли меня к себе в театр, сказав, что я вам нравлюсь как режиссер. А я должен был ответить: «Мало того что я вам нравлюсь, так я еще сын Германа!»

— А как было работать с Товстоноговым?

— Очень трудно. Он был скуп на похвалы и, казалось, мало обращал внимания на меня. Он мог дать задание такого рода: «Алексей, найдите мне к завтрашнему утру звук хоряка, которого поймала сова». Это он придумал для спектакля «Не-

склонившие головы». Я пошел в зоопарк. Оттуда меня выгнали: «Нашего хоряка хватать, изверг, и Товстоногов ваш изверг!..» Ну что мне, кошку на швейной машине шить?.. Думал я, думал, приготовил микрофоны — и к любимому артисту Евгению Лебедеву: «Евгений Алексеевич, давайте с вами выпьем коньяку...» — «Что вы такой добрый?..» — «Ну, я вас очень уважаю...»

Пошли мы в театральный буфет, выпили раз, выпили два, он говорит: «Валей, чего тебе надо...» Я говорю: «Евгений Алексеевич, надо

крикнуть хоряком, которого схватила сова, и не продать меня Гоге».

Пошли... Так покричал Женя, так покричал, увлекся, до-о-лого кричал. Совсем осип. Наутро Гога:

- Леша, звук хоряка есть?
- А как же!
- Где взял?
- В зоосаде был.
- Вот почему люблю работать с молодыми!

И никогда никто нашу правду не узнал.

(Окончание на 10-й стр.)

Алексей GERMAN, кинорежиссер:

Боюсь снять плохое кино

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Но от Товстоногова вы ушли. Почему?

— Ушел, по-моему, единственный из режиссеров — сам. Ушел, потому что понял, что угадываю чужой вкус. Георгий Александрович, чем я горжусь до сих пор, уговаривал меня остаться. А позже уже он сделал для нас со Светланой (имеется в виду Светлана Кармелита — жена и соавтор фильмов А. Германа. — «Известия») так много, как никто другой. Он написал письмо в Политбюро в защиту «Проверки на дорогах», его потом подписали Хейфиц и Козинцев. Позже он бешено и до скандала защищал мои «Двадцать дней без войны». Еще меня защищали Эфрос и Ефремов. Это было время, когда меня выгоняли просто отовсюду. А Ефремов, с которым мы не были знакомы, просто пришел к нам домой: он подпольно посмотрел «Лапшина» и предложил мне снять «Графа Монте-Кристо». Договорились так: я буду ему как бы ассистировать, чтобы усыпить бдительность телевизионного начальника Лапина. Я был под запретом как самостоятельный режиссер. А на самом деле я должен был и сценарий написать, и фильм ставить, а он бы играл. Ну, до «Монте-Кристо» дело не дошло, потому что мы написали письмо Андропову. Я бы и сейчас этого письма не постеснялся. Вообще, со своего первого фильма и дальше, до относительно недавнего времени, у меня сформировался рефлекс — ждать, что меня погонят с картины. Вот сейчас так же на «Трудно быть богом»... хотя, как я думаю, это нереально.

— В «Двадцати днях без войны» кроме вас из картины, кажется, собирались убрать Юрия Никулина?

— Да, они, эти специалисты из Госкино, объявили: «Это не советский писатель, а какой-то алкаш. Это порочит наши устои!» Требовали, чтобы я снял Никулина с картины сам. Пообещали: иначе (я цитирую) «мы вобьем вам в спину осиновый кол, и вы никогда не будете работать в искусстве. Слово коммунистов».

Я Никулина ничего не сказал, но ему кто-то донес о происходящем. Он же не только мне ничего не сказал, но и продолжал великолепно работать, как будто ничего не произошло. Сами понимаете, чего это ему стоило. До Симонова, по повести которого этот фильм, было в буквальном смысле не докричаться: он плыл на ледоколе где-то по Северному морскому пути. Светлана рванула к нему. Симонов пришел в ярость, узнав о происходящем, он орал этим црксистам: «Это я придумал Лопатина, он из моей головы! Вы решайте, какой у вас будет Жданов. А мне оставьте Никулина. Не трагайте Германа, оставьте его в покое!» Симонов был членом ЦК, и его послушались.

— Как дела у фильма «Трудно быть богом»? Конец близится?

— Не знаю. Пока мы приостановились. Но я вижу, что фильм получается как нельзя более своевременным. Я ведь еще в молодости заинтересовался этим романом Стругацких. Какой-то человек из будущего хочет сделать людей в походе на средневековое государство на нашей земле счастливыми. А в

Алексей Герман (слева) и Леонид Ярмольник на съемках фильма «Трудно быть богом»

государстве пытаются убивают, доносят... Конечно, в молодости я ставить этот фильм не мог — нам не разрешили из-за вторжения в Чехословакию. В фильме должен был высаживаться черный орден. А теперь — пора.

— Что для вас главное в этом фильме, в этой истории?

— Все. Главные герои фильма. Румата, которого играет Ярмольник, — человек, который может все и который ничего не сможет. Мне интересно было сочинить мир, которого не существует в реальности, но он есть в подтексте — и этот подтекст виден в самой реальности. Мне всегда нравилось делать второй план. Обо мне даже писали, речь шла о «Двадцати днях без войны», что я выдаю второй план за настоящее кино. Но второй план — это самое главное, это сама жизнь. Вот я и снимаю кино «второго плана».

— А вне кино, что вас интересует из того «второго плана», который, по-вашему, главный?

— Меня смущает, что страна потихоньку сползает в клерикальность, в дремучий расизм. Вы скажете, межнациональные конфликты есть везде. Допустим. Но нигде после прогресса, после того как в одном месте избил армянских ребят, в другом изрезали бритвой чернокожего, не появляется мгновенно на телеэкранах прокурорский чиновник с текстом: «Только не подумайте, что это расизм, это просто детское хулиганство». Это пугает. И клерикальность, подчеркнутую, искусственную порой религиозность у нас насаждают везде. И церкви у нас становится какой-то государственной структурой — зачем?

— И это говорит крещеный человек.

— У меня была верующая мама. Я по матери — еврей, но и мама, и бабушка, и дядя, весь род был православным. Я крестился давно, в советское время, и, естественно, полутайно. И сына мы крестили со Свет-

ланой, увезя его в глушь, за сотни километров, крестили, когда был выходной у церковного старосты. Я долго выбирал для себя религию, конфессию. Выбрал православие, хотя до того колебался: тяготел к протестантизму. Я был знаком с замечательным жевевским пастором. Кстати, именно благодаря ему я увидел кино, которого у нас не было. Он показал мне «Один день Ивана Денисовича» Солженицына на видео. Все в этом фильме было сделано очень тщательно, Ивана Денисовича играл артист, похожий на Солженицына. Мы досмотрели до момента, когда он попадает в медпункт, где люди одеты как повара во время Каннского фестиваля. Там сидели зекки с градусниками во рту. И тут я понял, что сейчас помру от смеха. Так вот, о пасторе. Мне казалось, что протестантизм мне ближе. И все-таки выбрал православие. Я воспитан в русской среде и в русской культуре. А теперь мне страшно от нарастания клерикальности в нашей стране. Встал вопрос о «сокращении», то есть о закрытии музея политкаторжан на Соловках, — куда же дальше?! Если это произойдет, для меня с Русской православной церковью все кончено. Это не церковники пользуются, а чиновники, причем самого тухлого пошиба. Я понимаю, что попы тоже люди, греху подвержены, — не нами и не сегодня сказано. Но войти в такую церковь я уже больше не смогу.

— Давайте теперь поговорим о земном. С кем вы общаетесь, откуда получаете информацию, если даже времени на телевизор у вас нет?

— От знакомых, иногда даже пользуюсь слухами, которые оказываются бредом. Меня вообще можно запросто поверить. Я, как ни странно, очень доверчивый. Хотя, кстати, бандитов чувствую, они меня пытались опекать на съемках. Я их послал.

— А как происходит предложение такой опеки?

— Директору картины предлагали меня охранять тысяч за двадцать. Приходит человек в шикарном пальто, якобы сниматься в массовке. Потом тихо, но убедительно говорит: «Можно пообщаться с вами наедине?.. Сейчас такое время, возможны авткатастрофы, убийства. Мы хотим вас защищать». Это было на съемках «Хрусталева, машину!» Я ходил к Аркадию Крамареву — начальнику питерского ГУВД в эпоху Собчака. Я, между прочим, с ним работал в фильме «Мой друг Иван Лапшин». Крамарев был тогда майором, с ним хорошо было работать, он был очень толковым консультантом... Так вот, в какой-то момент я понял, что и он с преступностью не может ничего сделать. Ну, пришлось обходиться без них, просто получилось, что у меня оказался поклонник — авторитет «в законе». Он быстренько расставил все на свои места, и от меня отстали.

— Вам интересно жить сейчас?

— Мне трудно — и не потому, что я долго и тяжело болею, не потому даже, что затормозились съемки «Трудно быть богом». Просто наступило такое время, когда непонятно, для кого я делаю свое кино. Раньше я понимал, что должен сказать правду, понимал, с кем должен бороться, и чувствовал, как это сделать. А сейчас сквозь шум не пробиться. Раньше мы могли, пусть и романтически, говорить о своих идеях и идеалах. И знали, что это не стыдно. Теперь этот романтизм вроде бы неприличен... Мы живем в скверном государстве.

— Препод, советское, вам больше нравилось?

— Нет, вовсе нет. Я говорю об ощущениях, касающихся моего «я». Я понимал смысл самого себя, понимал, зачем я нужен. Теперь — нет. Кому рассказывать правду и кому она нужна?

— Раньше писали о потерянном поколении, теперь — о растерянном, растерявшемся. Разве правда и рассказ о ней могут поблекнуть от смены режима или настроений?

— Правда — нет, а вот способ рассказа, пожалуй, да. Вообще, нужно, чтобы теперь работали молодые. Я не спешу, потому что мне есть над чем подумать, есть что сопоставить. Вот меня беспокоят организационные проблемы, они отвлекают от настоящей работы. Но это мелочи. Меня беспокоит 2004 год. При всей сложности, я бы даже сказал, драматичности происходящего с нами я боюсь, что не выберут Путина. Не потому, что я считаю его идеальным, а потому, что он сегодня единственный, с кем связана перспектива.

— А чего вы еще боитесь?

— Я боюсь снять плохое кино.

Санкт-Петербург

Из «Молитвы человека пожилого возраста»

Господи, ты знаешь лучше меня, что я скоро составлюсь. Удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать.

... Спаси меня от стремления вмешиваться в дела каждого, чтобы что-то улучшить. Пусть я буду размышляющим, но не занудой. Полезным, но не деспотом. Охрани меня от соблазна детально излагать бесконечные подробности. Дай мне крылья, чтобы я в немоги достигал цели. Опечатай мои уста, если я хочу повести речь о болезнях. Их становится все больше, а удовольствие без конца рассказывать о них — все слаще. ... Не осмеливаюсь просить тебя улучшить мою память, но приумножь мое человеколюбие, умири мою

самоуверенность, когда случится моей памятьливости столкнуться с памятью других.

... Об одном прошу, Господи, не щади меня, когда у тебя будет случай преподать мне блистательный урок, доказав, что и я могу ошибаться.

... Если я умел бывать радушным, сбереги во мне эту способность. Право, я не собираюсь превращаться в святого: иные у них невыносимы в близком общении. Однако и люди кислого нрава — вершинные творения самого дьявола. Научи меня открывать хорошее там, где его не ждут, и распознавать неожиданные таланты в других людях. Аминь.